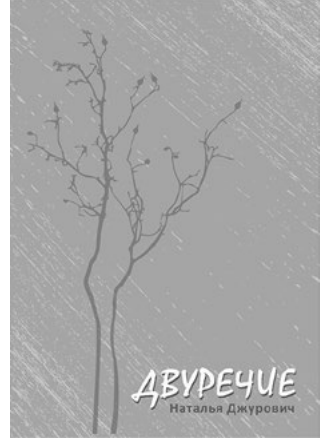

ОТ ЗЕМЛИ К НЕБУ

славянская тема

Настоящее творчество — всегда путь. Если ты открываешь последнюю страницу тем же человеком, который открывал первую, что-то не сработало. Или в тебе не открылась способность к сотворчеству, или путь, предложенный автором, вёл в никуда. Но книги, которые меняют нас, остаются с нами навсегда — как маленькие лесенки, по которым мы время от времени выбираемся из «обышедших нас зол». К таким книгам принадлежит и сборник стихотворений молодого и мудрого сердцем славянского поэта Натальи Джурович. Стихи Натальи — это дорога в горы, вернее — по горе, на Гору. Прерывистое дыхание, ритм сильно и гулко бьющегося сердца — это и есть музыка постепенного восхождения на вершину. Именно эти ритмы организуют звуковое пространство её лирики, вслушиваться в которое, без умения «смотреть сердцем» бесполезно. География её стихов — Балканы: Сербия, Черногория, а ещё — маленький дом в Черноземье, в далёкой и близкой, открывающейся с вершины холма России.

Свою Россию, уголок детства, а ныне — оставленное место-боль, место-рану, поэт видит по-есенински, «на расстоянии»:

*Смотрит дом глазами старых окон,
Он простил, что здесь я не живу.
Шелестя печальной осокой,
Луны яблоч падают в траву.
Та трава колола в детстве пятки,
Видишь, память на моей щеке?
Оттого кувшинки, как лампадки,
Обо мне зажгутся на реке.*

Интонационно продолжая знаменитое «Оттого, что тот старый клён // Головой на меня похож...», поэт «забирает» в новую жизнь мельчайшие милые частности первых воспоминаний. словно невеста, голову которой украшают цветы, срезанные в родном саду, героиня сборника вносит в своё поэтическое пространство мир растений, символизирующих женское начало, идею продолжения, а не расторжения связей с родной землёй. Как Гоголь, пишущий «Мёртвые души» в Риме, Наталья воссоздаёт свою Россию на некотором отдалении, на границе двух культур, во многом определяющих специфику её творчества и создающих особый, любопытный как для русских, так и для сербов ракурс художественного зрения. Перед нами не просто отдельно взятая славянская тема: это, скорее, образец славянского мировидения, осколок потерянного мира, в котором вселенная мыслилась как культурное единство. Это весть из далёкого архетипического прошлого, в котором время, пространство и путь человека от земли к небу выражались в цельных и гармоничных образах:

*Пусть заново родится этот Мир
Из тысячи осколков перемирья.*

Мастеру-современнику, задавшемуся целью объединить ныне разрозненные, теряющие связь культуры, для выполнения столь грандиозного замысла требуется стать едва ли не существом нечеловеческой природы: вытравить из памяти боль, отыскать иной язык, где «право» есть «десно», высветлить кровь. Путь поиска уже намечен, осознан:

*Может, кровь оттого и светла,
Что сливается сербская с русской?..*

Это путь синтеза, соединения, когда шитая из разных лоскутков судьба становится полноценным художественным полотном. Героиня книги беспрестанно пишет жизнь как стихотворенье, переводя его с одного языка на другой. А тем временем таинство перевода завершает себя само. Язык выкристаллизовывает лишнее, оставляя только исконные праславянские корни, сакральные смыслы. Вместе с тем происходит и другая работа. Отголоски романтического мировидения с его раздвоенностью между зримым и воображаемым мирами постепенно стихают, оседают тенями на плотной и плодovитой почве реальной жизни. Образная романтическая символика (руки, цветы, деревья, лодки, звёзды) используется уже не как инструмент.

Каждое слово, будто зерно, очищенное от скорлупы, наконец, погружают в землю. В нём, в этом зерне, и прежде была суть. Но прежде зерно держали в ладони, им любовались, ему шептали молитвы, поверяли мечты. Теперь — его отдают суровому земляному холоду, без страха невозврата, со знанием того, что оно прорастёт и даст плод. Это взросление героини и её новое, ценой страданий обречённое умение сойти с горы, чтобы поклониться земле, насыщают поэзию Натальи мощными женственными интонациями:

*Мне без боли твоей не прожить и не петь.
Растираю в руке каменистую почву.
Не дари ты мне гор, там не сложно взлететь,
Отведи меня в поле затихшее ночью.*

Образ любимой и любящей женщины одухотворяет и освящает книгу. Сначала незримо, но с каждым стихотворением всё отчётливее он организует поэтическую вселенную. Это она — молящаяся о мире, желающая защитить от беды родных людей и дорогую сердцу землю, пеленает птиц разлуки в синие простыни небесного света. Это она зажигает лампы слов для всех, кому темно в пути. Это она сеет муку, чтобы испечь хлеб. Великий труд поддержания Жизни и желанен, и непривычен. Примеряясь к оборотам её мощного Колеса, героиня не покладает хрупких рук, лишь слова выбирает осторожнее и строже — самые нужные, да привыкает дышать размеренней и глубже.

Рождение через боль становится главным мотивом книги. Так приходят в мир человек, и дело, и чувство. Болью измеряется глубина любви. Подробно выписывая приметы русского поэтического пространства, Наталья обращается к самым осязаемым его чертам. Вот как описывает она берёзы в стихотворении «Николай Рубцов»:

*Он прав, стволов российских рубцеванье —
Боль за погибших воинов-отцов...
Стоят, в минутах вечного молчанья,
И где-то рядом — Николай Рубцов...*

*И разве не его стихами вышит
Их безупречно-девственный наряд?
Единой болью души эти дышат,
И песни об одном у них болят.*

Для неё Россия — это душа народа: его поэзия, мир семейных традиций, взгляды вавне в равнинный простор и неброскую красоту природы: ветви ив, полевые колосья, летний дождь, васильки. Россия — это память о подвигах предков, о жертве, принесённой ими. Такая Россия, ныне потерявшая себя, но чаемая в ипостаси внутренней святости, мыслится поэтом как духовный причал. Это — не от незнания современного положения дел, напротив — «от многого знания». Не оно ли, знание обречённости почти каждого, рождённого в наши дни, на то, чтобы стать жертвой, продиктовало такие строки?

*Мир, как слёзы детские, правдив,
А другие разве столько значат?
Сын родится — Родина заплачет,
Никуда ещё не проводив.*

Осознание горечи жизни не свергает в отчаяние.

В душе героини живут вера и любовь, которые помогают преодолеть «все человеческие разделения». В стихотворении «Новый храм», посвящённом строительству святыни, есть такие строки:

*...Ты ещё не поднял главы
Так, как вознесёшь,
Ты ещё прославишь славы,
Ты ещё споёшь —
Сербским, византийским, русским,
Огоньком свечи...
А пока распевка брусьев
Весело звучит...
Мати Божия, Честная,
Помоги нам, впредь,
Гвозди в плоть доски вбивая,
Не распять — воспеть!*

Восходя вместе с читателем на вершину святой горы, Наталья учит «не покорять, а покоряться». Она приглашает нас слушать, смотреть, любоваться — преображая не мир, а себя в нём, и только так, единственно возможным способом что-то в нём меняя. Тихий и чистый, но не робкий голос её поэзии будет услышан каждым, кто готов пройти трудный путь в гору радостно и благодарно.

